

На самом деле три его игровых воплощения олицетворяли разные грани его сущности — звериное начало, человеческое и божественное. Лишь примерив на себя личину Сидзуки Годзё, А-Эр наконец начал это осознавать.

Впрочем, у разработчиков этого симулятора явно было извращенное чувство юмора. Дикого, первобытного Камиллу они заставили явиться миру подобно божеству. Кадзуму Арааки, призванного уравнивать две крайности, сделали пустым, вечно сомневающимся беглецом от реальности. А истинно божественного Сидзуку Годзё они швырнули в кровавую грязь, наделив телом полупроклятия.

Время внутри симулятора подчинялось хаотичным законам, и для каждого персонажа оно текло со своей скоростью. Сидзука застрял в глубокой древности, тогда как Камилла и Кадзума Арааки находились в двадцать первом веке, хотя даже между последними двумя существовал временной разрыв.

Но это вовсе не означало, что они существовали в параллельных мирах. И на карте Камиллы, и на карте Кадзумы имелся один и тот же Токио. Просто из-за несовпадения временных шкал их пути никак не могли пересечься.

Слова А-Эра, сказанные Сатору Годзё о намерении изменить этот мир и навсегда искоренить саму систему шаманизма, не были пустой похвалой.

Благодаря своей уникальной природе Камилла обладал способностью «Компьютер», с помощью которой действительно мог стереть из бытия любые настройки, касающиеся проклятий. Проблема заключалась лишь в одном: стоило А-Эру переключиться на звериное тело, как он напрочь лишался рассудка и предавался безудержному веселью, начисто забывая о великих планах. Единственным выходом было объединить в зверином теле человеческое и божественное начала.

Все это время А-Эр не переставал размышлять над тем, что на самом деле означает прохождение игры.

Неужели в «Симуляторе твоей жизни» достаточно просто прожить отпущенный срок?

В его голове зародилась безумная догадка: если эти три персонажа олицетворяют грани его личности, возможно, ему необходимо слить их воедино? Только так он сможет обрести истинную целостность и прожить настоящую жизнь, принадлежащую только ему самому.

Как бы то ни было, ради решения проблемы с проклятиями или ради проверки своей гипотезы о слиянии, А-Эр обязан был рискнуть. Ему требовалось продержаться до двадцать первого века, сравнять по времени Сидзуку и Камиллу, а затем объединить оба тела под своим прямым контролем.

А в идеале — затянуть в этот котел и Кадзуму Арааки, ведь именно он служил мостом между

зверем и богом.

Своими соображениями он поделился и с Сатору. Разумеется, неигровые персонажи не способны были осознать концепцию виртуального мира — Система бдительно стояла на страже их рассудка, нещадно вырезая и заглушая любые упоминания о «реальности».

Поэтому для Сатору Годзё слова собеседника звучали иначе: чтобы достичь своей цели, Сидзуке нужно обрести бессмертие или хотя бы дожить до двадцать первого века.

— Ты серьезно?

С приходом зимы ощутимо похолодало. К счастью, ни один из них не страдал от стужи, да и заморозки пока не вступили в полную силу. Выдалась на редкость ясная ночь с живописной луной, и они устроились на террасе, неторопливо попивая чай со сладостями, когда А-Эр без всякого предупреждения заговорил на эту ошеломляющую тему.

За время их общения Сатору успел понять, что в глубине души его спутник был человеком крайностей. Если на кону стояло благо большинства, тот без колебаний шёл на жестокие меры, жертвуя единицами ради спасения тысяч.

Иного выхода просто не существовало: по всей стране полыхали войны, бесчинствовали проклятия, и какой бы силой они ни обладали, спасти абсолютно всех было невозможно. Рано или поздно приходилось выбирать, обрекая отвергнутых на гибель.

В этом искусстве жестокого выбора А-Эр преуспел как никто другой.

Сатору полагал, что и в этот раз юноша без колебаний пожертвует А-Си. Но тот выбрал иной, безумный путь. Искоренить саму природу проклятых техник? Понимает ли он, на что замахивается? Это же открытый вызов самой судьбе, бунт против Небес!

Потрясенный до глубины души, он не удержался от вопроса:

— Неужели эта девчонка так важна для тебя?

— К чему этот вопрос? — удивился А-Эр. — Но скрывать не стану: я действительно хочу защитить её. И тебя тоже.

— Меня? — Сатору невольно усмехнулся. Он был несравнимо сильнее Сидзуки и уж точно не нуждался в чьей-либо опеке.

— Именно. Понимаешь, если сегодня я хладнокровно убью А-Си, то завтра, оказавшись перед выбором, точно так же решу пожертвовать тобой.

Ведь прошлый всплеск появления проклятий совпал с рождением А-Си, а позапрошлый — с его собственным появлением на свет. Конечно, из-за специфики бессмертия и барьеров А-Си её рождение породило куда больше чудовищ, чем рождение Сатору.

Но суть оставалась прежней. Если он пожертвует А-Си ради сиюминутного спокойствия, то однажды предаст и Сатору.

А кого он предаст после него?

Вместо того чтобы катиться по этой бесконечной наклонной, стирая близких из уравнения жизни, лучше было уничтожить первопричину. Стереть саму магию проклятий, превратив всех шаманов и проклятых духов в обычных людей.

Заметив замешательство на лице беловолосого юноши, А-Эр мягко улыбнулся:

— Знаешь, я всё же очень не хочу тебя убивать.

Ночь укрыла мир плотным покрывалом, заливая сад холодным лунным серебром. Но серебристо-белые глаза А-Эра казались глубже самой ночной бездны и чище лунного света, приковывая к себе взгляд и не отпуская.

«Мне суждено погибнуть от руки судьбы»

«Я умру от руки этого человека»

Сатору вспомнил эту истину, в которой никогда не сомневался, и вдруг оглушительно, безумно расхохотался. В его смехе сквозило чистое сумасшествие; из глаз брызнули слезы, заставив А-Эра недоуменно нахмуриться и податься вперед.

Сатору жестом остановил его, стер слезы с ресниц и, не сводя с юноши сияющего взгляда, тихо произнес:

— Прости-прости. Просто я вдруг подумал, какая же судьба всё-таки насмешница.

А-Эр вопросительно приподнял бровь.

— Но вернемся к делу, — продолжил Сатору. — Твое нынешнее состояние крайне нестабильно. Равновесие между человеческой кровью и сутью проклятия в твоём теле слишком хрупкое, ты не протянешь и обычного человеческого века. Мечтать о долголетьи в твоём положении — чистой воды безумие. И всё же один призрачный шанс у нас есть.

— Что нужно делать?

— Проклятия не знают старения. Ты наполовину принадлежишь к их роду, а значит, тебе нужно принять чужие проклятия, чтобы укрепить свою темную сторону. Но предупреждаю: если ты начнешь полное превращение в проклятие, вековая жизнь сотрет твои воспоминания. Рассудок будет таять день за днем, пока ты не превратишься в бездумную тварь, а тело в конце концов не расколется от переизбытка скверны. Тебе придется исполнить задуманное до того, как этот момент настанет.

Он замолчал, вглядываясь в лицо собеседника.

— Этот путь усыпан острыми шипами, тебе предстоит познать нечеловеческие муки. Ты всё еще готов рискнуть?

А-Эр молча кивнул. Про себя он иронично подумал, что пафос момента прямо-таки зашкаливает, словно в каком-нибудь подростковом аниме.

«Но отступить поздно. Я пройду эту игру до конца, чего бы мне это ни стоило»

Сатору тепло улыбнулся, словно и не сомневался в таком ответе:

— Другого я от тебя и не ждал. Что ж, не бойся, я помогу тебе.

А-Эр удивленно вскинул глаза. Сатору никогда не отличался альтруизмом и обычно плевать хотел на чужие беды. Делясь с ним своими планами, А-Эр надеялся лишь получить дельный совет, а выполнять всю грязную работу собирался в одиночку.

И то, что этот высокомерный эгоист вызвался ввязаться в столь опасную авантюру, не на шутку поражало.

Заметив его недоумение, Сатору хитро прищурился:

— Разумеется, не бесплатно.

— Какова твоя цена?

— Я отдам все силы, чтобы помочь тебе, — Сатору подался вперед, его голос стал непривычно серьезным. — Но взамен ты оставишь свою душу мне. Каждую мою последующую жизнь, в каждом новом перерождении ты обязан будешь отыскать меня. Мы должны встретиться вновь.

Гордыня любого из клана Годзё не знала границ, и никто из них никогда не признал бы в

собственном реинкарнированном воплощении самого себя. Сатору из этой эпохи разделял это убеждение.

«Не одному же мне нести это бремя судьбы. Пусть и другие Годзё помучаются»

Но даже когда он понимал, что будущие «Сатору Годзё» станут для него чужаками, мысль о том, что А-Эр в каждой эпохе будет искать и находить именно его преемника, грела душу. Словно их судьбы действительно сплелись в неразрывный узел, неподвластный времени и смерти.

Сатору всегда ощущал себя одиноким бумажным змеем, парящим в пустом поднебесье. Он мог лететь куда угодно, но в этом не было ни малейшего смысла — везде его ждала лишь унылая пустота.

Ему не было одиноко, ведь уединение стало его естественным состоянием. Ему просто было невыносимо скучно.

Пока в его жизни не появился А-Эр.

Этот юноша крепко перехватил тонкую нить, рванул её на себя и вернул беглеца на землю, согрев его ладонь своей и подарив теплую, живую улыбку.

И теперь Сатору безумно хотел удержать этого человека. Не на год или два — сотен и тысяч лет ему казалось мало.

В его груди впервые заклокотало чувство столь яростное и горячее, что оно легко превзошло бы любое смертоносное проклятие. Сатору не знал, как назвать это безумие. Он вырос в холодном клане, не знал родительского тепла, никогда не влюблялся и до встречи с А-Эром не имел близких людей. Он даже не был уверен, можно ли назвать их друзьями.

Ему было плевать на ярлыки. Всё, чего он хотел — бесконечно сидеть вот так на веранде, чувствовать плечо этого человека и смотреть на далекую холодную луну.

— Мы будем вместе. Вечно. Обещай мне, — Сатору сжал его ладонь так сильно, словно пытался впечатать свое обещание под кожу.

А-Эр посмотрел на их переплетенные пальцы и негромко выдохнул:

— Хорошо. Обещаю.

С того дня, верный своему слову, А-Эр проводил с Сатору почти каждую свободную минуту.

Наоя Дзэнъин, которому с трудом удалось поймать А-Эра без вечного конвоя, брезгливо фыркнул:

— Вы что, сиамские близнецы? Шагу друг без друга ступить не можете. Смотреть противно, честное слово.

Прежде чем А-Эр успел вставить хоть слово, из-за угла вырос Сатору, словно почуявший соперника хищник. Членов клана Дзэнъин он презирал всей душой, поэтому, смерив Наою высокомерным взглядом, гордо вздернул подбородок и с детской, хвастливой ухмылкой заявил:

— Именно так. Сидзу решил связать свою судьбу со мной. Мы будем вместе навек.

Наоя опешил:

— Что за чушь?..

А-Эр впервые видел у Сатору такую улыбку.

Обычно тот улыбался маской превосходства или веселого безразличия, за которыми крылась глухая стена. Но сейчас его лицо буквально светилось чистым, незамутненным счастьем и ребяческим триумфом.

Он искренне радовался этой нелепой клятве и, казалось, был готов трубить о ней на каждом углу.

Если бы Сатору не понимал, что огласка погубит Сидзуку — ведь за бессмертным полупроклятием тут же устроили бы охоту все шаманы страны, — он наверняка хватал бы за грудки каждого встречного и вопил: «Эй, ты слышал?! Сидзу пообещал вечно быть со мной!»

Но Наое он об этом сообщил без малейших сомнений, твердо зная, что гордый наследник Дзэнъин скорее откусит себе язык, чем побежит разносить подобные слухи.

А-Эр проигнорировал ошарашенный вид молодого господина и просто кивнул, подтверждая слова Сатору.

Беловолосый шаман расплылся в еще более довольной улыбке и небрежно махнул рукой:

— Ладно, воркуйте. Всё равно Сидзу уже связал себя со мной клятвой, и ты ничего не сможешь изменить.

Наоя продолжал стоять соляным столпом. Пожалев его, А-Эр решил в общих чертах объяснить

суть своего плана и то, в чём именно будет заключаться помощь Сатору.

За долгие недели совместного затворничества между ними действительно возникло некое подобие приятельских отношений.

Конечно, замшелый консерватизм Наои в вопросах сословий и женщин порой вызывал у А-Эра непреодолимое желание придушить этого сноба. И всё же парень, кажется, искренне пытался наладить с ним контакт. Пусть даже эти попытки неизменно заканчивались тем, что наследник Дзэнъин брякал очередную глупость, А-Эр холодно ставил его на место, а уязвленный Наоя в ярости сбегал.

— Да вы оба просто безумцы! — наконец выдавил потрясенный Наоя. — У вас вообще мозги есть?! Моей голове не постичь этот бред!

Эти двое и впрямь стояли друг друга. Один спокойно взирал на творящееся безумие и с ледяным равнодушием подталкивал А-Эра к краю пропасти, а второй — с виду такой мягкий и уступчивый — с высокомерием истинного маньяка двигался к своей безумной цели.

Наоя разразился долгой, яростной тирадой. Он не опускался до площадной брани, но каждое его слово сочилось чистейшим ядом. Он кричал, что ему плевать на ничтожных людишек, чья участь — сдыхать в зубах проклятий, раз уж они обделены силой. С какой стати великие кланы должны лишаться своего превосходства и равняться с грязной чернью? Если всё дело в А-Си, то почему просто не прикончить эту девку прямо сейчас?

Наоя еще не успел закрыть рот, как А-Эр смерил его обманчиво ласковым, но пробирающим до костей взглядом:

— Если я еще раз услышу от тебя подобное, мы станем врагами. Навсегда.

При этом сам А-Эр еще недавно всерьез подумывал о ликвидации А-Си, но ни капли стыда за свое двуличие не испытывал.

Наоя оцепенел. Его сковал первобытный ужас: он понимал, что А-Эр не шутит. Эта жажда крови была почти осязаемой — она скользила по коже ледяным лезвием, заставляя волосы на затылке встать дыбом.

Случись непоправимое, Сатору прикроет своего ненаглядного и сотрет любые следы. Наоя душили одновременно страх и лютая, бешеная обида.

Как смеет этот безродный нищий раз за разом угрожать ему, наследнику великого клана, заставляя дрожать от страха?!

Это было невыносимым, грязным унижением.

Но под маской гнева крепла горькая, необъяснимая обида, смешанная с жгучей завистью.

Он завидовал сокрушительной силе А-Эра, завидовал тому, с какой безоговорочной преданностью Сатору защищал его, и тому, как неистово сам А-Эр оберегал никчемную девчонку А-Си.

Раздираемый противоречивыми чувствами, Наоя лишь исступленно шептал проклятия. Наконец, совладав с собой, он сдавленно спросил:

— Почему... почему ты не используешь меня? Почему всё достается только Годзё?!

А-Эр озадаченно моргнул:

— Ну, даже если так...

«От тебя ведь просто нет никакого проку»

Конечно, вслух он этого не произнес. Даже с его сомнительной деликатностью было очевидно, что подобная правда добьет несчастного парня.

Но Наоя уловил этот недоговоренный смысл без слов. На его глаза навернулись злые, беспомощные слезы. Он принялся яростно размазывать их по лицу, всхлипывая сквозь зубы:

— Тварь... Ну почему именно ты?.. Будь ты проклят, ненавижу!

Слезы катились по его щекам безудержным потоком, парень просто не успевал их вытирать. Он замер перед А-Эром — с покрасневшим носом, растрепанный, но смотрящий с бесконечной, отчаянной ненавистью.

— Я ненавижу тебя...

В этот миг он выглядел на удивление жалко и в то же время трогательно. Словно капризный, испорченный ребенок, который впервые в жизни набрался смелости вытащить наружу свое грязное, хрупкое сердце, а его безжалостно растоптали тяжелым сапогом.

А-Эр почувствовал смутный укол совести, хотя искренне не понимал, что так задело его собеседника.

Обычно Наоя так и норовил уколоть Кэндзяку или А-Си. Мужскую внешность Кэндзяку он терпел, но независимость А-Си его бесила: она категорически не вписывалась в его картину мира, где женщина должна покорно семенить за мужем. Стоило ему открыть рот, как А-Эр тут

же устраивал ему взбучку.

Но сейчас этот несносный парень действительно плакал от боли.

А-Эр терялся в догадках. Наоя же, не проронив больше ни звука, резко развернулся и бросился прочь.

<http://bllate.org/book/18335/1760500>